

Вадим Пересветов

Телеграммы из детства

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21587301
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

После пятидесяти время сжимается: начинается обратный отсчет. В юные годы оно, напротив, течет медленно и кажется, что до восемнадцати ждать очень долго. Очень хочется стать взрослым. Всякие глупости кажутся значимыми, а собственные ошибки признаком самостоятельности. Но в зрелые годы мало кто помнит об этом. Память отправляет «на помойку» вроде бы уже не нужное. А оно пригождается, чтобы лучше понимать собственных детей, помнить о том, что и мы когда-то были далеко «не подарками» для своих родителей и учителей. Автор не боится вспоминать о том времени и о себе «не белом и пушистом». Другой вопрос, как ему удалось сохранить детали. Ответ есть в самой книге, где временной порядок эпизодически нарушается забегами в будущее, которого без прошлого не бывает.

Содержание

Intro	5
Взрослая ностальгия	8
На Камчатке	14
Пионэр	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вадим Пересветов

Телеграммы из детства

Рисунки: Юрий Козловский

Intro

Когда человеку уже за сорок, то он вряд ли во всех подробностях помнит, каким он был в детстве и своей ранней юности. Тем более, когда вся последующая после «трудного» возраста жизнь измеряется в формате год за три, человеческий «хард-диск» не выдерживает и безжалостно, не спросив хозяина, сбрасывает в trash многое, что в принципе уже не имеет никакого значения, но необходимо хотя бы для того, чтобы лучше понимать своих собственных детей. И как ни крути, в этом контексте всякая бредовая мелочь оказывается важной, в том числе и для себя самого. Ведь «все возвращается на круги своя», несмотря на то, что время вносит свои безжалостные коррективы. А еще «нет худа без добра». И отсутствие у автора этих строк даже тончайшего намека на симпатии к точным наукам, сыграло определенную роль. Именно на столь нелюбимых мною уроках алгебры и геометрии, физики и химии я начал записывать все, что помнил, включая свои в крайней степени смешные и наивные переживания и нелепые рассуждения. То есть, все то, что могло бы отчасти составить по образному выражению Жан-Поль Сартра «тесную скорлупу ранних детских лет, из которой мало-помалу вылупляешься, но так и не сбрасываешь ее окончательно». Родители, школа, друзья, первая любовь, переживания за каждый прожитый день... К детской мозаике до-

бавились разные, в том числе и хулиганские, более поздние эпизоды. Затем все это слилось воедино, и было громко названо КНИГОЙ!

Однажды, когда я извлек все это напечатанное еще на пишущей машинке (никаких компьютеров в наше время не было, да и сами машинки были далеко не у всех) из ящика стола, и перечитал, то очень долго потешался над самим собой. Кое-что я немедленно разорвал на мелкие клочки, вдоволь накормив ими мусорное ведро. А потом подумал: а что если, не меняя примитивности не всегда связанных между собой сюжетов и малозначимых диалогов, навести на оставшиеся и уже пожелтевшие записки соответствующий маршкет и с небольшими лирическими отступлениями с высоты сегодняшнего дня создать некую временную эклектику (где пост-юношеское выделено курсивом)? И, наконец, опубликовать их в качестве неподдающегося классификации «эйсид читива» (что-то вроде музыки «Orbit Experience»), абсолютно не претендующего на роль литературного произведения, и адресованного крайне узкому кругу лиц, в основном тем, кто указан в нижеследующем повествовании (фамилии некоторых из героев намеренно изменены). Просто так, чтоб было. Опубликовал же мой коллега и приятель Леша Вишневецкий свои «33 рассказа про любовь» с главным героем Витей Лихоборским, за которым легко угадывается сам автор карманного бестселлера, к портрету которого я легко смог бы добавить еще несколько смачных штрихов. И про-

глотил читатель это крайне юморное блюдо, не подавился. Как, впрочем, и я, потому что моя жизнь в определенный период мало чем отличалась от жизни Лихоборского, разве что именами друзей-приятелей и количеством выпитых спиртных напитков. Так что, если «Телеграммы из детства» придутся по вкусу как самый затрапезный винегрет после трехдневного голодания, значит, и мой труд был не напрасен. Ни тогда, когда я судорожно сжимал в запотевшей руке дешевую шариковую ручку, пряча под партой мелко исписанные страницы, ни тогда, когда отдавал сэкономленные на завтраках деньги на их перепечатку машинистке Даше, почему-то обозвавшей мою книгу злой. Ни тогда, когда сидел за «Макинтошем» и редактировал «старые» слова, вместо того, чтобы написать новые и заработать денег. За что отдельное спасибо моей жене Светлане, и родившейся «под елочку» доченьке Анастасии, нередко дававшей папе возможность сосредоточиться на двадцать-тридцать минут в день.

Отредактированные на «Макинтоше» слова пролежали в компьютерном чреве еще десять лет и только когда мне пошел шестой десяток, я решил: пора вытащить писанину на свет и сделать это собственноручно...

Взрослая ностальгия

Начало шестидесятых... Кажется, не так уж давно все это было. Деревянный двухэтажный дом на Средней Переяславской. Резное крыльцо парадного входа. Каменная, местами треснувшая, а то и вовсе развалившаяся, отполированная до блеска стоптанными башмаками жильцов коммуналки, лестница. Со стороны «черного» входа, её винтовая металлическая «сестра».

И та, и другая ведут в квартиру, куда меня привезли из роддома. Помимо вечно ругавшихся между собой сестер моей бабушки, в доме жил двоюродный брат матери Лева, – хороший человек, уступивший нашей семье на время еще один далеко не лишний угол. Из медного, начищенного до блеска сусального золота, кухонного крана течет только холодная вода. Нет бойлеров, тайгеров, фэйри и прочих премудростей. Вилла Рива и Вилла Баджио несказанно далеки во всех отношениях.

Зато рядом, через шумный Проспект Мира с почти монументальными, дразнящими охрой зданиями, в Банном переулке Ржевские бани. Гордо восседая в детских санках, я путешествовал в Банный каждый четверг. Мое внимание привлекали люди в белых фетровых шапках, сидящие высоко в парной с вениками и с варежками на руках, и банщик, время от времени заходящий в ту же парную с шайкой и с одним и тем же вопросом: «Ну, что мужики, поддадим»? «Поддадим, поддадим», – слышались летящие сверху голоса, а вместе с ними и легкое кряхтенье от повысившейся буквально через считанные секунды температуры. Я стоял внизу у самой двери, боясь сделать шаг в этом пространстве, и смотрел на тех, кто наверху, как на аксакалов, сидящих на вер-

шине горы. Так же мне нравилось смотреть как здоровенные, завернутые в простыни мужики, сидя на больших кожаных диванах, пили пиво из огромных запотевших кружек, аппетитно чистили воблу или хрустели посыпанными крупной солью сушками. Рядом с ними умиротворенно, под чай с мятой играли в шахматы интеллигенты, напротив гремели нардами и возгласами «шиш биш!» горячие южные парни. Всякий раз, после бани я приставал к отцу с расспросами, и он подробно объяснял мне смысл увиденного и услышанного мной. Но однажды я увидел нечто! А именно, наколотых на двух ягодицах чертей с лопатами, бросавших при ходьбе их обладателя уголь аккурат в расположенную посередине топку... «Что это?» – удивленно спросил я у отца. «Сынок, на это лучше не смотреть», – ответил он мне, и я впервые подсознательно ощутил существование неких табу, сформулированных в ёмком «подрастешь – узнаешь».

В огороженном глухим частоколом дворе, вся ландшафтная архитектура которого состояла из скрипучих качелей, нескольких яблонь и неизменных акаций, да еще выступавших в роли экспонатов музея Мадам Тюссо, старух, – стоял большой сарай с дровами. Холодно – принес дров побольше, градус высокий – перестал топить печь вовсе. Не надо было звонить, мнящим из себя больших начальников хамоватым диспетчерам ЖЭКов, терпеть пробную топку в тлеющем теплом и желтыми листьями сентябре, замерзать в ненастье

до официальной отмашки всем котельщикам города. Когда смолкал гомон Рижского рынка, а эхо колоколов стоящей напротив церкви, медленно уплывало поближе к Богу, когда гасли последние огни дипкорпуса по соседству, на темных улочках раздавался воровской пересвист, скрипело железо, ежели урки, перепрыгивая с крыши на крышу, «уходили» через слуховые окна. В этом старческом постанывании кровли, жалобном писке давно несмазанных петель и закодированных звуках, рядом с большой артерией продолжала свою жизнь Переяславка и Москва Гиляровского, одного из самых любимых и почитаемых мной соотечественников.

Все там же, через Проспект Мира, в Больничном переулке, врезавшись в землю буквой «П», до сих пор стоит школа, в которой я проучился все десять лет. О том, что она когда-то была лучшей французской школой на территории одиннадцати часовых поясов, и носила гордое имя Ромена Роллана, знают уже немногие. «Мы не принимаем детей наших бывших учеников», – сухо сказала директриса моей однокласснице, когда та пришла с одной из своих дочерей.

Непривыкшие к хамству родители, идут со своими чадами в другое место или же обратно через дорогу, в художественную школу № 3. Её директор, сын известной актрисы Людмилы Ивановой, Ваня Миляев, тоже наш одноклассник, привык видеть в человеке человека. Когда-то мы посмеивались над его картинками, на тему выписанного с разных сторон Храма Иконы Божией Матери «Знамение», который был хоро-

шо виден из окна его квартиры, и неисчерпаемого и столь же вольно трактуемого космоса. (Не Гречко, чай)! Но со временем Ваня стал действительно настоящим художником, а картины его воспитанников стали экспонироваться в городе, где Эйфель воткнул свою гениальную ажурную железку.

Многие из роллановцев живут за границей. Все в той же двуличной Франции, бургерской, объединенной предательскими усилиями Горбачева Германии, кипящей страстями вокруг корриды и независимости басков и каталонцев Испании, обобравших весь мир и в конец обнаглевших Штатах, зажавшем земли у своих братьев по крови-палестинцев Израиле... Вот и я часто примерялся к разным городам и странам, видел себя то жителем относительно тихого Асунсьона, приютившего цвет белого офицерства, а позднее уцелевших черно-коричневых, то шумного «сидади маравилльо-са» («волшебного города») Рио, с его силиконовыми красавицами и явным призраком вич-инфекции. Камень за камнем ощупывал цитадель Мальтийских рыцарей, обнимался с пробковыми деревьями в Португалии, присматривал виды на море в Греческой Глифаде и похожем на детскую песочницу Тунисе, в окрестностях Зальцбурга топтал черными лакированными ботинками белый как саван австрийский снег... Я уже почти представлял, как выглядит мой собственный дом в Касабланке или Оране, да только изначально ощущал, что мое место здесь – в Москве. Биоритм города, со временем ставшего истинным космополитом, пульсирует в висках,

горячит кровь. Сильно подпорченный менталитет российского народа, все равно пока еще остается родным и близким. Когда долго отсутствую, испытываю огромный дискомфорт. Болею, иногда кажется, физически. По возвращении радуюсь буквально всем, кроме разного рода отморозков и многочисленных «гостей столицы», которых в город, в общем-то, никто и не звал... Со временем гости стали чувствовать себя хозяевами и только один день в году, второго августа, им намекают, что они все-таки в гостях и, что они сильно задержались.

Дом на Переяславке уже давно остался лишь в воспоминаниях молодого поколения его жильцов, да того же Вани Миляева, который иногда, глядячи из окна своего кабинета, вытягивает руку со стопариком водки, распрямляет, больше похожий на «деловой» карандаш, указательный палец и объясняет несведущим: «А, Перес-то, вот здесь жил!» После этого совсем короткого, но эмоционального замечания я гордо расправляю плечи, не решаясь для себя определить, что в этой сентенции важнее: «я» или «здесь»? Лет сорок назад я, не задумываясь, выбрал бы первое, ибо многое было, как принято выражаться, «спереди». Теперь твердо знаю – второе, хотя по-прежнему хотелось бы думать и о том, и о другом одновременно.

На Камчатке

Еще задолго до поступления в школу я просто мечтал учиться и умел читать и писать. Также я знал несколько английских слов, которые в дальнейшем мне совершенно негодились. Первая прочитанная книга имела незатейливое название «Цветик-семицветик» и, понятное дело, не сохранилась, в отличие от первых «памятников» собственного эпистолярного жанра в виде адресованных к находившемуся на отдыхе отцу писем, по написанию больше напоминающих берестяные грамоты Киевской Руси. Так же я умел немного играть в шахматы, но это уже к процессу школьного обучения не относилось. Наверяд ли директор учебного заведения, в которое я был зачислен, на собеседовании вместо желания услышать от меня тривиальный стишок про дядю Степу захотел бы сгонять со мной партию в игру, требующую обоюдной осмысленности действий.

Утром самого первого 1 сентября, в ожидании которого, казалось бы, были прожиты все сознательные годы, я вышел через парадный вход в сопровождении родителей и сестры. Проходя через двор большого каменного дома, в глаза привычно бросилась, нацарапанная гвоздем на выкрашенной в ядовитый зеленый цвет беседке, отчетливая надпись: «ВЕДЕРНИКОВА-ДУРА!» Впрочем, ее вряд ли, могли видеть ее родители, а указывать на «приятные мелочи» считалось

неприличным. В цоколе основательно построенного пленными немцами дома размещались ателье и большой продовольственный магазин. Поэтому рядом с подсобкой всегда стояли специальные металлические ящики для бутылок из-под кефира и можайского молока, на которых зимой мы катались с горы, в компании все той же Ведерниковой, лихо пронесившейся мимо адресованного ей послания. Товарищами по достойному книги рекордов Гиннеса «фристайлу» были хорошо говоривший по-русски, но путавший рода турок Йыгыт («мой мама пошел в магазин, а моя папа еще на работе»), и ходивший ко мне в коммуналку катать по полу машинки жлобистый поляк Михаль. Иногда к ним присоединялись их соседи по дипкорпусу: загадочные темные индусы и пахнущие жареной селедкой вьетнамцы.

Кожаный ранец был плотно притянут ремнями к спине. Я шел, высоко подняв в руке букетик цветов и мешок со сменкой, который мама сшила из куска серого материала, радуясь солнечному утру и смущаясь под доброжелательными взглядами прохожих. Во дворе школы было многолюдно и оживленно: пестрые костюмы взрослых контрастировали с темно-коричневой униформой для девочек (в обычные непраздничные дни их носили с черными фартуками!) и серой мышиного цвета для мальчиков. Белые банты и обязательные белые воротнички не вносили никакого разнообразия и все подчинялось формуле того времени: все и во всем должны быть одинаковыми. Первоклашек торжественно приглашали

войти в помещение, а через прикрепленные к стенам алюминиевые матюгальники звучали напыщенные речи и громкая музыка. Когда вынесли флаг пионерской организации, то 1 сентября напомнило предстоящие всенародные торжества по поводу самой сомнительной революции, но все равно было интересно и немного волнительно.

В этот же день я, разумеется, увидел и свою первую учительницу, Иду Иосифовну. Почему-то было принято считать, что первая училка должна запомниться точно так же, как впоследствии первая женщина. То есть, по любому, она должна быть хороша несмотря ни на что. Ида действительно отпечаталась в памяти на всю жизнь, но по-другому. Она запомнилась своим увесистым кулаком и цепкими крючковатыми пальцами, которыми с силой стучала по голове несчастного, в том случае если ей казалось, что ученик неправильно или же не до конца понимал разъясняемый ей материал. («Вот, дубина-то! Учитель три раза объяснил, уже сам все понял, а ты еще нет». Байка, годящаяся на все времена). Иногда она действительно бывала ласкова и даже отзывчива, особенно на подарки родителей. Больше всего в период тотального дефицита Ида Иосифовна «уважала» французские духи, хорошую косметику, дорогие перчатки и прочие мелочи, включая большие коробки шоколадных конфет и шампанское. Наверное, она не отказалась бы и от денег, но брать и давать деньгами в то время, было не принято.

Учился я хорошо и поначалу меня даже ставили в пример. Говорили, что я дисциплинирован, сижу на уроках не отвлекаясь, думаю, работаю и буквально ловлю каждое слово учителя. Вот только родители с подарками не спешили и очень скоро все стало с точностью до наоборот. С начала второго класса я стал «неисправимым», перекочевал в разряд слабаков и в кандидаты навылет, где и был принят в сообщество, сидящее на последних партах или как тогда называлось, «на Камчатке». «Зачем Пересветову учиться в такой школе как наша, – говаривала Ида Иосифовна, – ведь есть школы и попроще. Его место именно там».

«На Камчатке» я сидел за одной партой с одним из моих первых школьных товарищей Андреем Гвиндиным. К официальному образовательному процессу Гвинда подходил свысока и с большим недоверием, многое, компенсируя другими, как ему казалось, более полезными занятиями. Он умел воспроизводить нехитрые нанайские мотивы, и под изображаемые звуки варгана постоянно пилил, иногда служившим ему линейкой, большим толстым ребристым куском плексигласа свою часть школьной парты, произнося как некое шаманское заклинание одну и ту же фразу «Я – народный вредитель!» Однажды, где-то на помойке Гвинда нашел, напоминавшую огромную складную перфокарту, книгу для слепых, с дырочками вместо букв. Всего-то навсего, специфической азбукой была написана тургеневская «Му-му», но в портфель она не помещалась даже по частям. Нежданно не

гаданно полюбившееся произведение «самого французского из всех русских писателей» Гвинда носил под мышкой левой руки и каждый новый день начинался с того, что книга с громким шелестом открывалась на определенной странице и Гвинда, закрыв глаза, перебирал пальцами по страницам, издавая продолжительное, местами душераздирающее мычание. В такие моменты его круглое лицо становилось необыкновенно одухотворенным и отрешенным от школьной суеты. Со стороны он напоминал засыпающего за органом католического священника и процесс этой своеобразной медитации прекращался только тогда, когда Ида Иосифовна хватала его за большое ухо, которое лихо заламывала книзу своими цепкими пальцами. От неожиданности и резкой боли Гвинда издавал истошный вопль, падал со стула на пол и закрывал ставший пунцового цвета, травмированный орган ладонью. Ко всему прочему, его бедные многострадальные уши не один раз высмеивались в классной стенгазете, где они изображались в виде огромных локаторов, жадно ловящих подсказки. В общем, это они – уши, были виноваты во всем. Ида Иосифовна так помнится и говаривала, что Гвиндин такая бестолочь только из-за них. Мол, если бы не эта особенность все слышать, давно бы научился полагаться только на свою голову. Наверное, так продолжалось бы довольно долго, пока в один из дней так и не дочитанное до конца произведение не было отобрано и выброшено в то место, где и было найдено. Гвинда долго ходил хмурый, перестал напе-

вать нанайские мотивы, но в отместку пропилил в парте уже несколько явно лишних сантиметров, что приближало его к давнишней мечте сделать из одной парты две.

Еще одной «бестолочью» была Ленка Рукина, ходившая в школу даже зимой (непонятно по каким причинам) в форме с коротким рукавом. Она была крепко сложена и любила демонстрировать бицепсы и драться с мальчишками. Рукина жутко расстраивалась, когда ее оставляли на дополнительные занятия или ставили низкие оценки. Ведь из-за этого у нее ну никак не могла появиться обещанная родителями белочка в колесе!

Позднее к компании примкнул Саня Гордеев. Будучи новичком, а их везде норовят подразнить и обидеть по любому поводу, Саня поначалу был очень робок и застенчив. Наш классный (понимай предыдущее слово, как хочешь) забияка – мастер по засовыванию канцелярских кнопок в яблоки и колготки Антошка Азаров сразу же дал ему обидное прозвище «Мячик» и однажды вызвал его на чернильный бой.

Вот он верх варварства! Противники сжимают ручки между большим и указательным пальцами и в позе фехтовальщиков размахивают блестящими металлическими перьями прямо перед глазами друг у друга. Победившим считается тот, кому первым удастся попасть противнику чернилами в лицо. В «технических» перерывах происходит дозаправка «рапир», народ живо комментирует происходящее и подбадривает противоборствующие стороны. О том, что риск стать

одноглазым очень высок, понятное дело, никто и не думает. В этом возрасте за нас думают старшие, а мы с ними, как правило, не очень-то соглашаемся.

Сиделось «на Камчатке» замечательно, особенно, когда самая первая и по умолчанию любимая не чеканила своими каблучищами среди рядов, а ее небольшую приземистую фигуру скрывала голова Вани Миляева, который был значительно выше всех остальных и маячил за первой партой перед учительским столом, словно не забитый в доску гвоздь. За что и получил впоследствии кличку «Длинный», на которую, впрочем, не обижается до сих пор.

Пионэр

В классе царит необыкновенное оживление: завтра начинаются летние каникулы! Такое впечатление, что растревожен и никак не может успокоиться большой пчелиный рой. Оживляж достигает апогея, когда я просовываю в дверь свою обритую наголо голову. От взрыва хохота вибрируют оконные стекла, слетает лежащая на краю доски пыльная тряпка, а несколько человек деланно валятся со стульев на пол. Со всех сторон летят вопросы: «Откуда сбежал, Перес? За что сидел?», обидные сравнения с легендарным героем гражданской войны Котовским и прочие дурацкие прибаутки типа «Лысый, лысый, иди по-пы-сый!» Девчонки, те вообще хохотали до слез, а некоторые из них участливо гладили меня по голове. Все закончилось, как только в класс вошла учительница и ее монотонный голос словно нехотя прорезал внезапно наступившую тишину. Но я даже не попытался прислушаться к нему. Я смотрел в окно и вспоминал прошлое лето.

Мы с бабушкой в Эстонии, в райском месте под названием Кясму. Благоухающие хвоей леса, холодное величественное море, чайки на беспорядочно разбросанных валунах, источающие густой смоляной запах перевернутые вверх дном лодки на берегу, дым из коптильни рыбака по соседству... Мой день рождения, торт с цифрой 9, надувной дирижабль и большой букет цветов из сада хозяев, у которых моя бабуш-

ка, мамина мама Александра Ивановна Попова много лет снимала комнату и террасу.

Бабушку я до сих пор вижу, как живу. Вот она всегда скромно, но очень аккуратно и со вкусом одетая, красивая, выдержанная. «Пионер», «пенсионер» и «музей», – это из ее лексикона. «Ба, дай мне носовой платок, я хочу высморкаться». «Да что ты, внучек, – отвечает она на мою просьбу, – разве так можно выражаться! Надо говорить – не высморкаться, а я хочу освободить нос». Она все делала хорошо. Несмотря на скромную зарплату, а затем на более чем скромную трудовую пенсию, всегда держалась с большим достоинством. Комната в коммуналке на первом этаже, – вот все что после нашей Переяславки смогли дать ей на старости лет, вдове погибшего в безумном пекле Сталинграда героя. Дед Павел, был крупным специалистом по турбинам и ему предназначалась бронь, которой незаслуженно воспользовался другой человек. Впрочем, он за нее и не думал «цепляться», а как истинный гражданин и патриот своей страны ушел на фронт, до этого имея о солдатских сапогах и об оружии весьма поверхностное представление. (Из официального письма: Уважаемая Александра Ивановна! Имя Вашего мужа рядового 260 стрелковой дивизии 1028 стрелкового полка Попова Павла Павловича увековечено в памятных списках погибших героев Сталинградской битвы, которые бережно хранятся в одном из отделов дирекции

мемориала. В зале Воинской Славы памятника-ансамбля на 34-х символических траурных знаменах значатся только 7200 имен погибших участников Сталинградской битвы. Они олицетворяют память всех павших в этой великой битве. Имена остальных погибших героев заносятся в памятные списки дирекции мемориала. 260 стрелковая дивизия входила в состав 1-ой гвардейской армии Донского фронта, а с ноября 1942 года – в состав 24-ой армии того же фронта. Командовал дивизией полковник Мирошниченко Г.К.

Директор Дирекции памятника-ансамбля Героям Сталинградской Битвы Т.Р.Пекарский).

После смерти Павла Павловича бабушка замуж так и не вышла. Умерла она вследствие неудачной операции, «зарезанная» на хирургическом столе районной больницы.

Долгое время, как живая память о ней, в нашем доме жил пес Митя, однажды приبلудившийся к Александре Ивановне, но затем выбравший в качестве своей будущей хозяйки мою маму. Помню, в тот день в Институте нам раздавали темы для домашнего сочинения и мне досталась: «Как я воспитывал четвероногого друга». «Но, у меня никогда не было ни одного животного! – пробовал возражать я, – и вообще эта тема больше подходит для детского сада, а не для будущих переводчиков». «Ничего, ничего, попросите рассказать что-нибудь об этом ваших товарищей, у которых есть кошка или собака, – растянулась в ехидной улыбке преподаватель

французского Любовь Гавриловна Шофа, – можете почитать соответствующую литературу. В конце концов, это важно с точки зрения расширения лексического запаса иностранного языка». Каково было мое удивление, когда вернувшись домой поздно вечером, я вдруг увидел метнувшийся от двери в комнату маленький рыжий комочек с обрубленным хвостом. Я сделал удивленной лицо. «У нас теперь собака, – сказала мама и просияла улыбкой, – назовем ее Микки, как ту собаку, что была в Эстонии». Митя без всяких телефонных звонков лучше всех знал, когда бабушка придет к нам домой и минут за пятнадцать до ее прихода уже в ожидании лежал у порога. Также он очень любил ездить к ней в гости на трамвае, облаивая через окно огромных кобелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.